Криминальное банкротство — форма хищения?

РАЗЫГРАЕВА Елена Николаевна, доцент кафедры общепрофессиональных дисциплин филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета в г. Кемерово, кандидат юридических наук

650000, Россия, г. Кемерово, ул. Тухачевского, 32

E-mail: juravleva68@mail.ru

Рассматриваются спорные вопросы отграничения криминальных банкротств, т. е. преступлений, предусмотренных ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 «Преднамеренное банкротство» и ст. 197 «Фиктивное банкротство» УК РФ, от мошенничества (ст. 159 УК РФ), являющегося одной из форм хищения. Вопрос отграничения криминальных банкротств от мошенничества не является новым. Им занимались и дореволюционные ученые-криминалисты. Тем не менее актуальность обозначенной проблемы не утратила своего значения.

Цель исследования: выработать и предложить основные критерии, позволяющие отграничивать криминальные банкротства от иных смежных составов преступлений и, в частности, от мошенничества, для совершенствования борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере применения института несостоятельности (банкротства).

Задачи исследования: проанализировать основные подходы по разграничению криминальных банкротств и мошенничества, существовавшие в дореволюционный период и в настоящее время; сопоставить объективные и субъективные признаки анализируемых составов между собой, выделив сходные и отличительные признаки; проанализировать причины обоснованной декриминализации преступления, предусмотренного ст. 173 «Лжепредпринимательство» УК РФ, как состава, ранее затруднявшего разграничение криминальных банкротств и мошенничества.

Методы исследования: исторический, сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-логический и метод изучения документов. Исследование проведено на основании результатов расследования уголовных дел следователями следственных органов по Кемеровской области в период с 1997 г. по настоящее время, анализа классической и современной научной литературы.

По результатам исследования автор формулирует критерии отграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», ст. 196 «Преднамеренное банкротство» и ст. 197 «Фиктивное банкротство» УК РФ, от мошенничества (ст. 159 УК РФ).

Ключевые слова: криминальное банкротство, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, мошенничество.

Criminal Bankruptcy Is the Form of Theft?

E. N. RAZYGRAEVA, associate professor at the Department of general professional disciplines of the Kemerovo branch of the Russian State Vocational Pedagogical University, candidate of legal sciences 32, Tukhachevsky st., Kemerovo, Russia, 650000

E-mail: juravleva68@mail.ru

This article examines the controversial issues of the delimitation of criminal bankruptcies – crimes under following articles of the Criminal Code of the Russian Federation 195 “Wrongful actions under the procedure of bankruptcy”, 196 “Deliberate bankruptcy” and 197 “Fictitious bankruptcy” – from the swindling (article 159), which is a form of theft. The issue of distinguishing crime bankruptcy from fraud is not new. It was analyzed by the pre-revolutionary and modern specialists in criminal law. However the problem is on the front burner.

The purpose of this study is to develop and propose the main criteria for distinguishing criminal bankruptcy from any other related offences and, in particular, from swindling in order for improving fight against crimes in the sphere of application of the institute of insolvency (bankruptcy).

Objectives of the study: to analyze the main approaches to the delimitation of criminal bankruptcies from fraud that existed in the pre-revolutionary period and at the present time; to compare objective

and subjective characteristics of the analyzed compounds among themselves, to separate similar and different characteristics; to analyze the reasons of justified decriminalization of crime provided by article 173 of the Criminal Code “False entrepreneurship”, as the corpus delicti that previously complicated the delimitation between criminal bankruptcy and fraud.

Research methods: historical, comparative-legal, systemic-structural, formal logical, method of studying of documents. The study was conducted on the basis of the results of investigation of criminal cases by investigators of the investigating authorities of the Kemerovo region in the period from 1997 to the present, analyzing of classic and modern scientific literature.

According to the study the author formulates the separation criteria of the offences provided by following articles of the article of the Criminal Code of the Russian Federation 195 “Wrongful actions at bankruptcy”, 196 “Deliberate bankruptcy” and 197 “Fictitious bankruptcy”, against swindling (article 159).

Keywords: criminal bankruptcy, wrongful actions at bankruptcy, deliberate bankruptcy, fictitious bankruptcy, swindling.

DOI: 10.12737/article_58f48b494c97a3.51919655

«Криминальные банкротства» — собирательное понятие, которое объединяет три состава преступлений, предусмотренных ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве», 196 «Преднамеренное банкротство» и 197 «Фиктивное банкротство» Уголовного кодекса РФ.

Признание хозяйствующего субъекта банкротом создает остроту и болезненность ситуации не только для кредиторов, но и для самого должника, в большинстве случаев заинтересованного в спасении своего дела, защите имущества, на базе которого функционировал хозяйствующий субъект. В то же время недобросовестными предпринимателями институт банкротства может быть использован для обмана конкурентов, мошеннического присвоения чужого имущества и для других злоупотреблений. В силу этого актуальным является вопрос отграничения криминальных банкротств от мошенничества, который не является новым.

Вопросом отграничения мошенничества от криминального (злостного) банкротства занимались и дореволюционные, и современные ученые-криминалисты. Как и в дореволюционный период, так и в настоящее время мнения ученых разделились: одни (А. А. Лохвицкий, Л. В. Григорьева, И. А. Клепицкий) рассматривают криминальное банкротство как своеобразный вид или форму хищения, другие

(И. Я. Фойницкий, П. А. Светачев, В. Лимонов) — как самостоятельное преступление. Так, еще в 1867 г. А. А. Лохвицкий рассматривал банкротство как «своеобразный вид мошенничества»¹. При этом И. Я. Фойницкий соглашался, что банкротство имеет много общих черт с мошенничеством: «Здесь, как и там, предполагается обман, направляемый на обольщение потерпевшего; этот обман имеет своей целью причинить имущественный ущерб другому лицу к выгоде виновного, для чего последний там и здесь злоупотребляет чужою распознавательною способностью, предлагая ей лживые фактические основы»². Однако он же указывал и на отличительные признаки: «В мошенничестве обман направляется на похищение, т. е. на приобретение имущества, которого до того момента виновный не имел; между тем как банкрот распоряжается своим имуществом, подвергаясь наказанию только за то, что он противозаконным способом уклоняется от исполнения лежащих на нем обязанностей относительно кредиторов. Мошенничество есть один из видов преступного взятия, похищения чужого имущества, чего не представляет собой банкротство»³.

¹ См.: Лохвицкий А. А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 657.

² Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому уголовному праву. СПб., 1871. С. 271.

³ Там же.

В настоящее время Л. В. Григорьева считает, что «умышленное банкротство, по сути, является специальной формой хищения в виде мошенничества»⁴.

Чтобы выяснить, является ли криминальное банкротство самостоятельным преступлением или одной из форм мошенничества, необходимо сопоставить данные составы преступлений.

Мошенничество имеет *сходные* признаки с криминальным банкротством. При совершении данных преступлений предполагается обман, который может выражаться в ложном утверждении о том, что не соответствует действительности, либо в умышленном умолчании о фактах, сообщение которых было обязательно, и т. д. При совершении данных преступлений другим лицам причиняется имущественный ущерб.

Рассмотрим признаки, которые позволяют *разграничивать* вышеперечисленные преступления.

Мошенничество относится к преступлениям против собственности, тогда как преступления, связанные с несостоятельностью, — к преступлениям в сфере экономической деятельности. Соответственно, объектом мошенничества являются отношения собственности, а объектом криминальных банкротств — общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией или возможностью реализации института несостоятельности (банкротства), направленные на предупреждение несостоятельности (банкротства) или проведение процедур банкротства при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов, обеспечивающие защиту законных интересов участников названных отношений⁵.

⁴ Григорьева Л. В. Уголовная ответственность за мошенничество: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996. С. 177.

⁵ См.: Журавлева Е. Н. Криминальное банкротство: уголовно-правовая характери-

Предметом мошенничества служат чужое имущество, т. е. не находящееся в собственности или законном владении виновного, и право на такое имущество⁶. Предмет криминальных банкротств представляет собой имущество, имущественные права или имущественные обязанности, сведения об имуществе, о его размере, местонахождении либо иную информацию об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, бухгалтерские и иные учетные документы, отражающие экономическую деятельность должника. При этом предметом криминальных банкротств является то имущество, которое находится у субъекта в его владении на основе вещного права, по отношению к которому кредиторы и иные потерпевшие обладают обязательственным правом. Так, если преступление совершается руководителем организации, то имущество здесь не чужое, оно принадлежит самой организации на основе вещного права, а руководитель осуществляет им распоряжение на вполне законных основаниях. При совершении же преступления индивидуальным предпринимателем имущество, выступающее в качестве предмета, вообще принадлежит ему на праве собственности.

При совершении мошенничества субъект преступления общий, тогда как при совершении правонарушений при банкротстве, преднамеренного или фиктивного банкротства субъект только специальный: руководитель юридического лица, учредитель (участник) юридическо-

стика и вопросы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 28.

⁶ Необходимо отметить, что некоторые авторы не рассматривают право на имущество в качестве самостоятельного предмета мошенничества (см., например: Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 1998. С. 121; Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003. С. 375).

го лица, индивидуальный предприниматель.

Преступления, предусмотренные ст. 195—197 УК РФ, в отличие от указанных в ст. 159 УК РФ, совершаются при определенной обстановке: наличии признаков банкротства (ст. 195), в период, предшествующий появлению признаков банкротства (ст. 196), а также в случае заведомо ложного публичного объявления о своей несостоятельности — в момент незаконного обращения субъекта в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом (ст. 197).

На наш взгляд, при разграничении криминального банкротства и мошенничества прежде всего важно обращать внимание на различия в преступных намерениях субъектов, применяющих аналогичные способы совершения преступления. Да, обман является способом совершения многих преступлений. Но используется он везде для достижения разных целей, что и служит главным критерием разграничения составов преступлений. Кроме того, отграничение мошенничества от криминальных банкротств можно провести и по характеру причиняемых последствий.

Действительно, определенные совпадения в способах совершения сравниваемых преступлений имеются. Однако в мошенничестве способ выступает средством завладения имуществом потерпевшего. Специфика здесь состоит в том, что потерпевший, будучи введенный в заблуждение, считает, что передает имущество виновному на законных основаниях. При мошенничестве ущерб причиняется собственнику или иному законному владельцу имущества и является прямым (реальным).

При совершении неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ) обман направлен не на завладение имуществом (имуществом руководителя или индивидуальный предприниматель уже располага-

ют на основе вещного права), а, наоборот, на «избавление» от имущества, т. е. субъект, предвидя реальную возможность или неизбежность признания его банкротом в силу сложившихся объективных причин, совершает различные манипуляции с имуществом и информацией о нем в целях уменьшения имущественной (конкурсной) массы должника, без эффективного использования которой невозможна нормальная реализация отношений несостоятельности. Ущерб кредиторам причиняется в результате неудовлетворения их имущественных требований в силу недостаточности имущества, образующего конкурсную массу.

Руководитель АОТ «СГМ» М. в период применения к АОТ «СГМ» процедуры наблюдения, заключил ряд фиктивных договоров с лжефирмами ООО «Т» (г. Москва) и ООО «М» (г. Москва) на поставку в их адрес металлопроката на общую сумму 4 142 124 руб. на условиях предоплаты на расчетный счет продавца в КБ «НКТ». На основании фиктивных платежных поручений и актов сверки взаиморасчетов между АОТ «СГМ», ООО «Т» и ООО «М» была искусственно создана задолженность АОТ «СГМ» перед указанными фирмами за счет того, что АОТ, получив 100-процентную предоплату, не выполнило своих обязательств по поставке металлопроката. На основании тех же фиктивных документов денежные средства в качестве предоплаты, зачисленные на расчетный счет АОТ «СГМ» в КБ «НКТ» (г. Москва), пошли на погашение задолженности АОТ в Пенсионный фонд РФ и федеральный бюджет также через КБ «НКТ», что не нашло своего подтверждения. В результате этого на основании фиктивных документов была искусственно создана кредиторская задолженность АОТ «СГМ», значительно уменьшающая конкурсную массу должника⁷.

⁷ См. архив следственного отдела при Центральном РОВД г. Новокузнецка Кемеровской области за 2001 г. Уголовное дело № 25-914.

В случае совершения преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, обман используется субъектом для преднамеренного создания признаков банкротства у должника в целях дальнейшего объявления его несостоятельным (банкротом) и ликвидации. Обман может выражаться в признании фиктивной кредиторской задолженности либо заключении заведомо убыточных, не соответствующих нормальной практике хозяйственного оборота сделок. Мотивы совершения преступления при этом могут быть различными: от сокрытия злоупотреблений до уклонения от уплаты налогов или иных обязательных платежей. Ухудшение финансово-экономического состояния должника и увеличение его неплатежеспособности обуславливают и причинение вреда его кредиторам, который может выражаться в прямом реальном ущербе в силу неисполнения обязательств должником либо в упущенной выгоде от незаконного использования имущества или денежных средств. При этом субъектом в отличие от мошенника признается сам факт причинения вреда кредиторам, который стал следствием ухудшения финансово-экономического состояния должника и невозможности исполнения взятых на себя обязательств, и выражается готовностью его возместить в результате примененных к должнику процедур банкротства. Намеренность же причинения вреда в отличие от мошенничества отрицается.

К., являясь генеральным директором ОАО «УЛПХ», заключил договор с ООО «ПКФ СЛ» о поставке в адрес последнего лесопродукции заведомо по заниженным ценам, фактическая стоимость которой по оценкам специалистов составляла 4 140 000 руб. В результате действий К. упущенная выгода для ОАО «УЛПХ» составила 3 172 524 руб. В расчет за поставленную продукцию ООО «ПКФ СЛ» поставило в адрес ОАО «УЛПХ» продукты питания по завышенным ценам. Однако в нарушение вышеуказанного договора ООО «ПКФ СЛ» предъявило ОАО

«УЛПХ» требование об оплате железнодорожного тарифа до пункта назначения на сумму 1 393 039 руб. В счет погашения долга ОАО «УЛПХ» передает принадлежащее имущество на сумму 498 133 руб. ООО «ПКФ СЛ», утратив тем самым возможность осуществлять хозяйственную деятельность и возможность рассчитываться по долгам кредиторов и по платежам в бюджет и внебюджетные фонды. В дальнейшем с целью получения оставшегося долга с ОАО «УЛПХ» ООО «ПКФ СЛ» обратилось с заявлением в арбитражный суд Кемеровской области о признании ОАО банкротом.

Таким образом, действия руководителя ОАО «УЛПХ» по реализации лесопродукции по заниженной цене в обмен на продукты питания, стоимость которых завышена, а также передача имущества ОАО в виде отступного в собственность ООО «ПКФ СЛ» явились прямой причиной резкого снижения обеспеченности обязательств организации ее активами и привели к банкротству должника. По заключению ТО ФСФО по Кемеровской области сделки ОАО «УЛПХ» с ООО «ПКФ СЛ» не соответствуют существующим рыночным условиям, нормам и обычаям делового оборота⁸.

Кроме того, вывод активов должника путем совершения сделок, не предусматривающих встречного предоставления, было осуществлено в ООО «КБ АТП» его генеральным директором А. Это выразилось в отчуждении основных средств организации на сумму 7 012 729 руб. в адрес ОАО «РКБ» в обмен на два векселя, выпущенных ООО «КБ-Плюс», которое фактически не осуществляло хозяйственную деятельность и в связи с этим не имело реальной возможности обналичить указанные векселя. В результате указанные действия привели к ликвидации должника, имеющего задолженность в бюджет и внебюджетные фонды в размере 9 041 000 руб.⁹

⁸ См. архив следственного отдела при Мариинском ГРОВД Кемеровской области за 2001 г. Уголовное дело арх. № 45-284.

⁹ См. архив следственного отдела при Беловском ГРОВД Кемеровской области за 2002 г. Уголовное дело № 45-113.

По другому делу о банкротстве ОАО «СМ» установлено, что ликвидация предприятия произошла в результате создания искусственной (необоснованной, фиктивной) кредиторской задолженности перед ООО «Э» и ООО «ЮКМК» при следующих обстоятельствах. К., являясь генеральным директором ОАО «СМ», в качестве посредника заключил сделки с ООО «Э» и ООО «ЮКМК» по поставке от последних металлопродукции для ООО «С» на общую сумму 11 033 661 руб. В дальнейшем представители ООО «Э» и ООО «ЮКМК» предъявили к ОАО «СМ» требования о взыскании с последнего кредиторской задолженности в размере 11 033 661 руб. за якобы поставленный металлопрокат в адрес ООО «С». Учитывая, что проверка достоверности поставки металлопроката не была произведена арбитражным судом, заявление директора ООО «Э» Р. и директора ООО «ЮКМК» Ж. о признании ОАО «СМ» несостоятельным (банкротом) и погашении задолженности по указанным сделкам было принято судом к рассмотрению. В результате ООО «Э» и ООО «ЮКМК» стали конкурсными кредиторами в деле о банкротстве и имели возможность полностью контролировать производственную и финансовую политику организации, незаконно получив право на взыскание с ОАО «СМ» задолженности на указанную сумму. Однако в ходе дальнейшего судебного разбирательства было установлено, что фактически поставки металлопроката в адрес ООО «С» по договору не было, а задолженность создана искусственно, которая впоследствии признана судом недействительной¹⁰.

При фиктивном банкротстве (ст. 197 УК РФ) в отличие от деяний, указанных в ст. 195 и 196 УК РФ, несостоятельность отсутствует. Поэтому обман используется субъектом для введения в заблуждение кредиторов относительно своего иму-

щественного состояния, которое заключается якобы в его невозможности удовлетворить их требования в полном объеме, что не соответствует действительности. Цель обмана — получение различных льгот и преимуществ по имущественным обязательствам перед кредиторами в результате применяемых к должнику процедур банкротства и при заключении мирового соглашения: получения отсрочки или рассрочки причитающихся платежей, скидки с долгов либо их неуплаты. Ущерб здесь складывается из убытков, причиняемых кредиторам вследствие несвоевременного исполнения либо неисполнения субъектом своих имущественных обязательств, а также уменьшения объема такого исполнения. Причем потерпевшие добровольно идут на претерпевание негативных проявлений предоставляемых ими должнику отсрочек или рассрочек, скидок с долгов и других льгот, хотя знают, что не обязаны этого делать. При мошенничестве же, как уже было указано, потерпевший считает, что передает имущество на законных основаниях, виновный имеет право на получение имущества, а потерпевший, соответственно, обязан его передать.

Таким образом, если при мошенничестве ущерб причиняется собственнику или другому законному владельцу имущества и является прямым (реальным), то при совершении криминальных банкротств ущерб причиняется кредиторам и иным участникам конкурсного процесса, которые не имеют прав собственности на имущество, а обладают обязательственным правом требования получить определенную долю из имущества должника. При этом ущерб может выражаться в упущенной выгоде от использования денежных средств, в потерянных долях кредиторов из конкурсной массы, в уменьшении налоговой базы, в снижении валового национального продукта и т. д.

Подводя итог разграничению сравниваемых составов преступле-

¹⁰ См. архив следственного отдела при Кузнецком РОВД г. Новокузнецка Кемеровской области за 2002 г. Уголовное дело № 58-896.

ний, важно обратить внимание, что в литературе приводятся разнообразные варианты проявления побудительных мотивов совершения криминальных банкротств, но в первую очередь делается акцент на корыстной направленности мотивов, стремлении виновного к извлечению материальных выгод для себя либо других лиц.

Соглашаясь с данным мнением, отметим, что в отличие от ст. 159 УК РФ извлечению имущественной выгоды не должны сопутствовать изъятие чужого для виновного имущества и безвозмездное обращение его в свою пользу. Такие действия посягают уже на отношения собственности, охраняемые соответствующими нормами гл. 21 УК РФ. Поэтому при наличии в действиях лица, совершающего неправомерные действия при банкротстве, преднамеренном банкротстве или фиктивном банкротстве, признаков посягательства на собственность необходимо вести речь уже о совокупности преступлений.

На практике часто создаются организации только для того, чтобы привлечь кредиты, извлечь иную имущественную выгоду, а затем обанкротиться. В большинстве случаев это отмечается в банковской сфере. Достаточно вспомнить массовое банкротство банков и других кредитных учреждений в 1990-е гг., основная деятельность которых была направлена на аккумуляцию денежных средств граждан (ОАО «МММ», ОАО «Чара» и т. д.).

Возникает вопрос: как осуществлять квалификацию в подобных случаях? Ранее, до внесения изменений в УК РФ на основании Федерального закона от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ (ред. от 6 декабря 2011 г.), можно было предложить следующий вариант квалификации: если организация была создана специально, без намерения осуществлять предпринимательскую либо банковскую деятельность, для получения кредитов или извлечения иной имуществен-

ной выгоды, то необходимо говорить о применении ст. 173 «Лжепредпринимательство» УК РФ. Преднамеренное же банкротство оценивать самостоятельно по ст. 196 УК РФ. Однако такая квалификация является ошибочной.

Как отмечает Н. Ф. Кузнецова, «при квалификации деяния по ст. 173 УК РФ следует иметь в виду, что ее введение во многом было обусловлено мошенничествами и налоговыми преступлениями с точки зрения прежде всего установления умысла на совершение указанных преступлений. Поэтому ст. 173 УК РФ может быть применена в тех случаях, когда нельзя установить прямой умысел лица на мошенническое завладение банковскими средствами с использованием “лжефирмы”. В тех достаточно редких ситуациях, когда будет установлен умысел на создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность, для квалификации по ст. 173 УК РФ необходимо, чтобы ущерб от данной деятельности наступал в результате реализации косвенного умысла. Если же действия лица направлены именно на причинение ущерба путем невозврата кредитных средств, полученных специально созданной для этого организацией, речь следует вести о мошенническом посягательстве на собственность»¹¹.

Таким образом, если будет установлено, что «лжефирма» была специально создана, например, для привлечения денежных средств граждан с целью дальнейшего обращения их в пользу виновных лиц, то квалифицировать такие действия необходимо по ст. 159 УК РФ. Создание же «лжефирмы» в этом случае следует расценивать как приготовление к совершению мошенничества, а

¹¹ Кузнецова Н. Ф. Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1998. С. 412.

обанкрочивание — как легализацию причиненного вреда потерпевшим в результате совершения мошеннических действий. Поэтому вполне обоснованно законодатель декриминализировал ст. 173 УК РФ как «неработающую».

Совершенно прав Б. Колб, заявляя, что банкротство в таких ситуациях — это лишь внешний, видимый результат, прикрытие подлинного преступления — мошенничества. Поэтому квалификация должна осуществляться только по ст. 159 УК РФ

без какой-либо совокупности (реальной или идеальной)¹².

Предпринятая попытка отграничения криминальных банкротств от мошенничества указывает на необходимость дальнейших научных изысканий в этой области в целях совершенствования борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере несостоятельности (банкротства).

¹² См.: Колб Б. Разграничение мошенничества и преднамеренного банкротства // Законность. 2001. № 11. С. 14.

Библиографический список

- Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003.
- Григорьева Л. В. Уголовная ответственность за мошенничество: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996.
- Журавлева Е. Н. Криминальное банкротство: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.
- Колб Б. Разграничение мошенничества и преднамеренного банкротства // Законность. 2001. № 11.
- Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 1998.
- Кузнецова Н. Ф. Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1998.
- Лохвицкий А. А. Курс русского уголовного права. СПб., 1867.
- Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому уголовному праву. СПб., 1871.
-
-